

Вячеслав Бахмин: «Я правозащитной деятельностью вынужденно занялся, просто других было немного, кто хотел бы»

Вячеслав Иванович Бахмин (родился в 1947 году в г. Калинин) — советский диссидент, российский дипломат. С 1966 по 1969 год учился в Московском физико-техническом институте, но был исключен после ареста 30 ноября 1969 года по обвинению в хранении и распространении антисоветской литературы. 24 сентября 1970 года был помилован. В 1974 году заочно окончил Московский экономико-статистический институт. Работал программистом.

Один из организаторов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. В 1980 году осужден на три года по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». В заключении получил еще один год и один месяц лишения свободы.

После освобождения в феврале 1984 года был направлен для проживания под надзором в г. Калинин, где работал программистом. В результате провокации был обвинен в злом хулиганстве и в 1985 году приговорен к трем годам лишения свободы, однако в кассационной инстанции обвинение переквалифицировали на более мягкое, и 19я 1985 года Бахмин был освобожден из-под стражи.

В 1988 году Бахмин вернулся в Москву. С 1989 года — член возрожденной Московской Хельсинкской группы и Российско-американской проектной группы по правам человека.

С января 1991 года заведовал Отделом глобальных проблем и гуманитарного сотрудничества в МИД РФ. В 1992–1995 годах — член Коллегии МИД, заместитель руководителя российской делегации в Комиссии ООН по правам человека (руководил делегацией С.А. Ковалёв). В 1992 году Бахмину был присвоен ранг Чрезвычайного и полномочного посланника II класса. С 1993 по январь 1996 года — член Комиссии по правам человека при Президенте РФ.

В 1995 году Вячеслав Бахмин оставил государственную службу. Работал исполнительным директором Института «Открытое общество» (фонд Сороса), консультантом фонда Мотта, фонда Форда, Швейцарской программы сотрудничества. Председатель Общественной комиссии по сохранению наследия академика Сахарова (Сахаровский центр).

Ред. Вячеслав Иванович, в вашем случае не надо спрашивать, как вы оказались в рядах диссидентов. Ваша биография, четыре года отсидки, известна. Скорее, есть смысл спросить: почему главным полем вашей деятельности стала именно борьба с карательной психиатрией, процветавшей в СССР?

В.Б. Лично столкнулся. В 1969 году произошел мой первый арест. Были арестованы также Ира Каплун и Ольга Иоффе. Ольга была признана невменяемой, ее посадили в Казанскую спецбольницу. Нас с Ирой тогда помиловали, а Ольгу только через год выпустили. Так я столкнулся с явным применением психиатрии в политических целях. В 1970 году я познакомился с деятельностью Владимира Буковского, потом много общался с генералом Петром Григоренко, с украинским диссидентом Леонидом Плющом.

На примере обращения с этими людьми, которых в свое время признавали невменяемыми, я понял, насколько серьезна и страшна эта проблема. Человек не просто лишается свободы, он, по сути, лишается своей личности. Он вычеркнут из жизни: считается, что все, что он говорит — бред. Его убийство уголовниками вполне могли замаскировать под суицид. Кстати, очень опасно было размещать «психически больных» рядом с уголовниками. Те понимали их заведомую беззащитность, и это провоцировало агрессию. Я сам побывал только на амбулаторной экспертизе в Институте Сербского, но примеры, о которых я упомянул, были возмутительны. И я стал вместе с друзьями этим заниматься, об этом рассказывать. За эту деятельность мне и дали срок три года, а потом в лагере еще год добавили. Но эмигрировать я не хотел никогда. Я патриот, мне нравилась моя страна, мне нравились люди в стране.

Надо понимать, что основой всего диссидентского или правозащитного движения были нравственные мотивы: не могу лгать, не могу жить по лжи, как сформулировал Солженицын. У всех это было очень сильно. И не было задачи завоевать власть, изменить страну, потому что не знали как, не умели, да никто и не дал бы это сделать тогда. То есть политика всегда рассматривалась как дело неприятное, грязное.

Форма А

КГБ—УКГБ

Служебный документ
КГБ и КГМ СССР

24. сентября 1970 г.

СПРАВКА № 2186

Выдана гражданину(же) Трахмину
Варселеву Ивановичу

Год рождения 1947 национальность русскому
уроженцу(же) г. Калинин

в том, что он (~~она~~) содержался(~~ась~~) в местах заключения с 1. декабря 1969 г. по 24. сентября 1970 г., откуда освобожден(~~а~~) по постановлению Следователя ЧК № 5 по г. Москва и № от 24. IX 70, о прекращении уголовного дела на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23. IX 70.
(указать основание к освобождению)

Следует к месту жительства Моск. обл. г. Долгопрудный
ул. Первомайская, 3а, кор. 2, кв. 434
(город, село, район, область)

Зав. Начальник
служебного подразделения Александров
(подпись)

М. П.

Ред. Вы вышли на свободу в 1984 году, перестройка была уже близко...

В.Б. В 1988 году я был еще в Твери, работал программистом. Потом стал возвращаться к правозащитной работе, сотрудничать в фонде «За выживание и развитие человечества»¹. Еще был жив Сахаров, активно работал Ковалёв. Я участвовал в правозащитных конференциях, вступил в возрожденную Московскую Хельсинкскую группу, занимался широким кругом проблем.

¹ Созданная в 1988 году международная организация ученых, задача которой — научно обосновать меры, направленные на физическое и духовное выживание и развитие человечества.

Тогда появилось значительно больше людей, которые не боялись в открытую бороться за права человека, пресса много об этом писала. Я ведь правозащитной деятельностью вынужденно занялся, просто других было немного, кто хотел бы. Помню свою беседу с генералом КГБ Филиппом Бобковым, известным персонажем. Он мне советовал прекратить мою «подрывную» деятельность, а я отвечал: «Вы прекратите — и мы перестанем».

ПОЗИЦИЯ

«Если свобода не выстрадана, и люди за нее не бились, она ничего не стоит. Сегодня — дали, завтра — отняли... И поэтому ее легко отдали, потому, что она еще не стала своей. Она еще не проросла в сущность человеческую. Мы жили без свободы и опять можем пожить без свободы».

Ред. Вячеслав Иванович, героических диссидентов было очень немного. Но вот бывший политзек — начальник департамента МИДа, Чрезвычайный и Полномочный посланник — такой вы один. Как вас допустили до дипломатии?

В.Б. Ей-богу, не рвался. Продолжал работать математиком. Позвонил С.А. Ковалёв, спрашивает: не хотите ли стать заместителем министра иностранных дел? До этого к нему обращался Андрей Козырев — он искал человека, который в российском МИДе занимался бы правами человека. Нужна была кандидатура именно не из карьерных дипломатов. Я английский знал хорошо, в тюрьме дополнительно занимался. До Козырева я еще встретился с Владимиром Лукиным, пришел к нему на квартиру. Поговорили, в том числе и по-английски, он по этой части меня прощупал. Похоже, понравились друг другу.

Потом встретились с Андреем Козыревым. Он спросил меня: «Не хотите поехать в ООН представителем России?» Я представил себе эту картину. Ведь в это время еще действовал МИД СССР. И что я стал бы там делать при матером кадровом дипломате Воронцове? Никакого хода мне бы не дали, я был бы только символом перестройки.

Ехать я отказался, а принял Отдел глобальных проблем и гуманитарного сотрудничества. Собственно, я там был один, начал себе подыскивать людей. Встал вопрос о допуске, это же МИД, а у меня была судимость. Сначала меня не допускали ко многим документам, но ситуация менялась на глазах, и потом вдруг сразу допустили. Хотя я больше времени проводил в Белом Доме, в кабинете Ковалёва или Лукина. И августовский путч там провел. По сути, все эти дни занимался работой по профилю: мы распространяли информацию за границу, чтобы в мире знали истинное положение дел.

Путч закончился, Российский МИД разместили в помещении Международного отдела ЦК на Старой площади. «Цекистов» там уже не было, только Борис Пономарев ходил, кандидат в члены Политбюро. На него смотрели, как на призрак, реликт.

Но в декабре, когда не стало Союза ССР, МИД переехал на Смоленскую площадь. Там я уже стал руководителем Департамента, в который входило три управления: Управление по гуманитарному сотрудничеству и правам человека, Управление по культурному сотрудничеству и Комиссия по делам ЮНЕСКО. Я, кстати, курировал нынешнего председателя Совета по правам человека Михаила Александровича Федотова на его должности российского постпреда при ЮНЕСКО.

Мы обосновались не на Смоленке, а в особняке с куполом на Воздвиженке.

Даже вот так войдя одной ногой как бы в политическую жизнь, я, конечно, понимал, что я там — инородное тело и меня терпят до тех пор, пока... Там работать с моими взглядами, ценностями, с моим отношением к миру, к людям очень непросто. Когда все вокруг по-другому, тебя все равно в нужный момент либо выкинут, либо поломают. Ты не можешь все время идти против. Ты начинаешь смиряться, подстраиваться и в конце концов становишься таким же. Я этого не хотел.

Документ

«Принимались меры по правовому обеспечению процесса реабилитации жертв политических репрессий и репрессированных народов, созданию механизма исполнения законодательных актов по восстановлению справедливости в отношении жертв тоталитарного режима».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год»

Ред. Как в вашем сознании совмещались ваши недавние «соседи»-уголовники и кадровые дипломаты, как вы осваивали протокол и этикет?

В. Б. Да, мир карьерного дипломата весьма специфичен. Мне помогло то, что рядом были мидовцы, но которые и раньше занимались правами человека, такие как О.С. Мальгинов. Несколько человек из старых кадров я уволил, но они были не дипломаты, а занимались совсем другим делом, нетрудно догадаться, каким. В целом, я с людьми ладил неплохо. Что касается этикета и протокола, то тут я многое освоил интуитивно. Мы интенсивно готовились к конференциям ОБСЕ, два раза в год ездили на заседания Комиссии ООН по правам человека в Женеву. Там многое можно было решить, это и привлекало — окошечко реальных возможностей.

Ред. А как вы попали в Комиссию по правам человека?

В.Б. Отчасти по рангу, чтобы и Министерство иностранных дел было представлено. Приглашение получил лично от Сергея Адамовича Ковалёва.

Документ

«Россия занимает достойное место в системе международной защиты прав и свобод человека. Она является участником подавляющего большинства важнейших международных соглашений, международных организаций и специализированных учреждений ООН, СБСЕ; выступила в последнее время с конструктивными инициативами о защите жертв вооруженных конфликтов, о гуманитарной помощи беженцам, перемещенным лицам. При активном участии России фактически приобрела статус общего принципа и утвердилась на международной арене позиция, согласно которой нарушение прав человека не является внутренним делом отдельного государства. Россия активно и результативно отстаивала неприменимость принципа консенсуса в вопросах, связанных с санкциями в адрес страны, нарушающей права человека».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в российской федерации за 1993 год»

Ред. Вам продолжили заниматься именно международными вопросами?

В.Б. Я уже сейчас не все помню, все-таки двадцать лет прошло. Мы собирались на заседания не так уж часто. Но как раз международные проблемы во главе угла не стояли. Конечно, я интересовался всеми вопросами, связанными с реабилитацией невинно осужденных, но там основы были уже раньше заложены.

Зато я хорошо помню, сколько споров вызвал Закон о чрезвычайном положении². С.А. Ковалёв настойчиво объяснял, что он может сыграть огромную роль. Говорил, что, если не будет ограничений и контрольных механизмов, этот Закон может стать дубинкой. Я разделял этот подход и поддерживал именно Ковалёвскую редакцию документа. Еще я активно работал по проблемам беженцев, контактировал с Федеральной миграционной службой. Там было немало коллизий.

Конечно, если человек перебрался из страны, где его неминуемо ожидает смерть, должно срабатывать право на убежище. Другое дело —

² Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» был принят лишь в 2001 году, до этого момента и в описываемый В.И. Бахминым период сохранял свое действие Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1407-1 «О правовом режиме чрезвычайного положения» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1990. — № 15, ст. 250.

разные варианты экономической мотивации перемещений. Все-таки хозяин имеет право решать: пустить ли ему гостя в дом и когда его выдворить. Что делать с людьми, которые в буквальном смысле слова не знают языка страны, в которую попали? Какое должно быть соотношение прав и ограничений?

Я придерживался минималистской позиции. Если грозит человеку смерть — не выдавать, а дальнейшее решать уже с российских позиций. Сейчас это, к сожалению, не работает, проблема не решена. По просьбам дружественных правительств Россия выдает политзаключенных. В отношении к мигрантам — крайности. То всех пускать, то всем запретить въезд. Надо приложить голову, определить, практика каких стран нам ближе. В принципе, все это решаемо. Нужна лишь политическая воля и способные люди во власти.

Документ

«По «оценочным данным» ФМС России, на территории Российской Федерации находится более 500 тыс. иностранных граждан и лиц без гражданства, которые продолжают прибывать с нарушениями паспортно-визового режима и фактически бесконтрольно. В Москве и Московской области осело более 180 тыс. человек. Представительством УВКБ в Российской Федерации зарегистрировано по состоянию на 1 января 1994 года 46 572 лица из стран дальнего зарубежья, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца (приложение 3).

Значительное расхождение между данными ФМС России и УВКБ вполне объяснимо, так как ни ФМС России, ни правоохранительные органы в лице МВД России и их службы на местах практически не в состоянии вести учет находящихся на территории Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства из дальнего зарубежья, в первую очередь из-за «прозрачности» южных границ Российской Федерации».

Из Доклада Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации «О соблюдении прав человека и гражданина в Российской Федерации за 1993 год»

Ред. Как вы покинули Комиссию?

В.Б. Ушел вместе с Ковалёвым, когда произошло обострение по чеченскому вопросу. Удостоверение члена Комиссии оставил на память.

Ред. А за работой ее следили?

В.Б. После 1995 года я напрямую правозащитной деятельностью не занимался. Но с интересом наблюдал за работой Комиссии, потом Совета. Помню, на Венской конференции увидел Владимира Карташкина, он выступал весьма по делу. Кроме того, я — председатель Сахаровского

центра, стараюсь сохранять это наследие. Ну и друзей в этой среде у меня очень много.

